

Свет и блеск её глаз

И.А. Гончаров «Pour и contre»

«Ольга! Вы... лучше всех женщин, Вы первая женщина в мире», – восхищённо говорил в романе «Обломов» влюблённый Илья Ильич.

«Прекраснее Вас нет женщины в мире, следовательно, нет нигде», – писал автор «Обломова» И.А. Гончаров Елизавете Васильевне Толстой незадолго до выхода романа в свет.

Два романа развивались параллельно: один роман Гончаров переживал и излагал в письмах к Е.В. Толстой, другой, роман «Обломов», творил в форме литературного произведения, но также во имя её.

Портрет Е.В. Толстой работы Н.А. Майкова. 1855

Встреча Гончарова с Толстой произошла в Петербурге у Майковых. В феврале 1843 года московская дворянка Варвара Александровна Толстая и её дочери, 16-летняя Елизавета и 14-летняя Анна, остановились у них, возвращаясь из-за границы. Дом Майковых был известен в Северной Пальмире. Его глава, Николай Аполлонович Майков, – признанный столичный художник. Один из сыновей, Аполлон Николаевич, – поэт, второй, Валериан Николаевич, – литературный критик и публицист. У Майковых часто собирались известные художники и литераторы. И.А. Гончаров в этом доме был своим: он преподавал сыновьям Майковых литературу и эстетику.

Очарованной юной Лизой, Гончаров оставил запись в её альбоме, пожелав ей «светлой и безмятежной будущности».

Прошло 12 лет. Иван Александрович к своим 43 годам приобрёл в обществе большую популярность. В 1847 году вышел его первый нашумевший роман «Обыкновенная история», готовились к публикации путевые очерки с описанием плавания на фрегате «Паллада». Елизавете Васильевне было уже 28 лет, но она ещё не замужем. Летом 1855 года Гончаров вновь встретился с нею в доме Майковых и сразу же попал под обаяние Елизаветы Васильевны, её чарующей красоты, доброго сердца, тонкого женского ума. В ней писатель увидел идеал женщины. «Она такое артистическое щеголеватое создание, она аристократка природы – ей дано всё,

чтоб быть единственной из числа многих – возвышенностью характера, чистотой сердца, прямою и достоинством», – признавался он в одном из своих писем. Отъезд Е.В. Толстой в Москву 18 октября 1855 года вызвал целую серию писем Гончарова. От третьего лица своего «друга» он рассказывает Толстой в письмах о своей любви, о своих душевных муках.

Но не Гончарову было суждено стать героем романа Елизаветы Васильевны, а её кузену Александру Илларионовичу Мусину-Пушкину, блестящему офицеру, столбовому дворянину и ярославскому помещику. Осенью 1856 года она уже была его невестой.

Свадьба Толстой состоялась в январе 1857 года. Её дозволения пришлось добиваться в Синоде, так как церковь не давала согласия на брак из-за nepозволительно близкого родства жениха и невесты – они были двоюродными братом и сестрой. Гончаров нашёл чиновника, который уладил дело в Синоде.

Летом того же года Иван Александрович по совету врачей отправляется на воды в Мариенбад, где с головой уходит в работу над давно задуманным романом «Обломов».

История безответной любви Гончарова к Е.В. Толстой стала известна поклонникам писателя в 1913 году, когда в двух номерах журнала «Голос минувшего» были опубликованы тридцать два письма Гончарова к Толстой и две главы романа «Pour и contre», написанные в письмах к ней.

Историк литературы П.Н. Сакулин, комментируя эту публикацию, впервые

провёл параллель между романом, который переживал в душе писатель, и романом «Обломов», написанным летом 1857 года в Мариенбаде.

Всё пережитое писателем за последние годы нашло в романе своё отражение. Особенно вдохновенно работал Гончаров над образом Ольги Ильинской, с трепетной влюблённостью выписывая его на бумаге. В письмах из Мариенбада мелькают его признания: «не надышусь, не напляжусь», «живу, дышу только ею».

Илья Обломов, так же, как автор романа, тяжело переживает свою драматическую любовь. Ольга Ильинская же обретает семейное счастье с Андреем Штольцем. Писатель как бы благословляет свою героиню и на страницах романа, посвящённых жизни семьи Штольц, выражает свои сокровенные мысли о возможном семейном счастье.

«Два существования, её и Андрея, слились в одно русло», – пишет автор. Залогом счастливого семейства Штольцев стало стремление мужа быть для Ольги интеллектуальным и нравственным руководителем. «Задумывалась она, – отмечает повествователь романа, – над явлением, он спешил вручить ей ключ к нему». Во многом Андрею Штольцу доверил Гончаров свои размышления о возможности счастливой любви и семьи.

«Штольц, – говорит романист, – смотрел на любовь и на женитьбу может быть <...>, преувеличенно, но, во всяком случае, самостоятельно. И здесь он пошёл свободным и простым путём; но какую трудную

школу наблюдения, терпения, труда выдержал, пока научился делать эти «простые шаги». <...> Он выработал себе убеждение, что любовь, с силою Архимедова рычага, движет миром; что в ней лежит столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразия в её непонимании и злоупотреблении».

В счастливой семье Штольцев растут дети и воспитывается сын Обломова – Андрей.

Какова же дальнейшая судьба Елизаветы Васильевны? По архивным документам складывается впечатление, что сразу после бракосочетания она постоянно жила в Петербурге. Её первенец Семён родился в январе 1858 года и был крещён в Исаакиевском соборе, через год родился второй сын Юрий, а затем дочь Надежда, которая умерла в детстве.

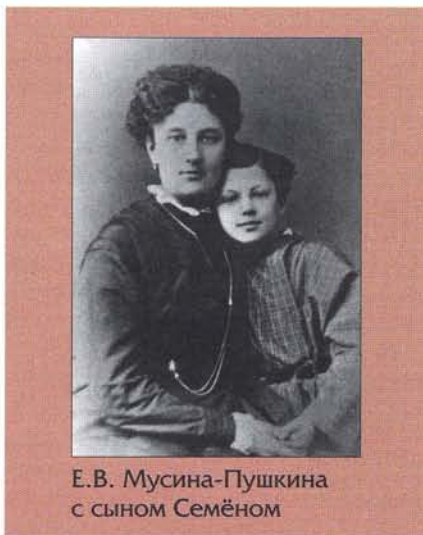
Через шесть лет, в 1863 году, Елизавета Васильевна уже овдовела, и ей одной пришлось воспитывать сыновою. Постоянное проживание Елизаветы Васильевны в Петербурге и раннее вдовство имели свою причину: Александр Илларионович страдал психической болезнью, которая, видимо, и предопределила его смерть в 32 года. Старший сын Елизаветы Васильевны Семён в одном из своих писем рассказывал, что отец «окончил жизнь в сумасшедшем доме. Это у нас наследственный недуг – начиная с прапрадеда».

Чтобы поправить тяжёлое материальное положение семьи, Елизавета Васильевна в 1868 году уехала в Керчь, где определилась на службу, на должность начальницы Кушниковского института благородных девиц. По сути дела, сбылось шутивное предсказание Гончарова в письме к ней: «Теперь я больше люблю классных дам, и то не настоящих, а будущих».

Взаимоотношение Мусиной-Пушкиной с керченским обществом складывалось очень не просто. В архиве Академии наук в Москве хранится письмо Евгении Петровны Майковой, в котором она утешает Елизавету Васильевну: «Очень рада, голубушка, что Вы, наконец, попривыкли к Вашей новой работе и что Вас так любят в институте дети, равно и родители их, а что касается до всей массы, окружающей Вас, понятно, что всё новое им не нравится, не скоро ведь рухнет старая рутина, которая вошла

в плоть и кровь русского человека, придётся ещё долго бороться, покада поймут прогресс цивилизации вообще, особенно мы, т. е. мне подобные старухи».

Некоторое представление о независимом характере Елизаветы Васильевны дают сохранившиеся в архивах доносы жителей Керчи на неё. Из доносов следует, что начальница института благородных девиц по выходным водила воспитанниц в городской сад и позволяла им свободно бегать, водила с факельной процессией всех воспитанниц в театр смотреть живые картины; что её сыновья, живя в квартире начальницы, позволяли себе неблаговидные поступки: бегали без сюртуков перед окнами воспитанниц, лазили в окна. Елизавете Васильевне приходилось объясняться

Е.В. Мусина-Пушкина с сыном Семёном

по этим доносам, и, конечно, это ещё более осложняло её и так довольно трудную жизнь. Но она сделала всё, чтобы воспитать своих сыновою достойными людьми и дать им хорошее образование. Умерла Елизавета Васильевна в возрасте пятидесяти лет от сердечного приступа. К счастью, она так и не узнала, что её сыновья унаследовали тяжёлый недуг отца и ушли из жизни в 1907 году практически друг за другом, не пережив приступа болезни.

Послегончаровская судьба Елизаветы Васильевны похожа на судьбы многих русских женщин, но она так отличается от судьбы, которую Гончаров определил своей героине – Ольге Ильинской, окружённой на последних страницах романа вниманием и заботой любящего мужа!

Портрет Елизаветы Васильевны Толстой украшает зал, посвящённый роману «Обломов» в музее Гончарова в Ульяновске. Он сразу же привлекает к себе внимание, и посетители подолгу не могут отвести глаз от изображённой на нём красавицы в чёрном бальном платье с белыми кружевами. Весь её облик – осанка, поворот головы, тёмные вьющиеся волосы, уложенные в скромную причёску, взгляд карих глаз – полон женской грации и очарования. «Прекраснее Вас нет женщины в мире, следовательно, нет нигде: в небесах, конечно, есть, но не женщины, а херувимы и серафимы», – писал Гончаров Елизавете Васильевне.

В «Pour и contre» Гончаров рассказал историю создания портрета Толстой. Накануне отъезда из Петербурга в Москву Елизавета Васильевна вместе с художником Николаем Аполлоновичем Майковым посетила фотомастерскую Левицкого, где было сделано несколько её снимков. Позу для одной из фотографий задал Майков. Он хотел по памяти, но с помощью этой фотографии писать портрет Толстой. Гончаров зашёл узнать, готовы ли снимки. В мастерской ему сообщили, что фотографию, определённую Майковым, невозможно ратражировать, так как подмастерье нечаянно уничтожил негатив. Остался один-единственный оттиск. Это очень впечатлило Гончарова, и он взял себе снимок. «Этого ни у кого не будет, – писал он в «Pour и contre», – а те она раздарит другим».

После настойчивых просьб художника Гончаров даёт ему фотографию для работы над портретом, но с условием после окончания работы сразу же её вернуть. Майков подарил портрет Е.В. Толстой. В начале 50-х годов XX века вернувшаяся из эмиграции внучатая племянница Толстой Екатерина Дмитриевна Ильина купила портрет в комиссионном магазине на Арбате. Благодаря внучке Ильиной Веронике Жобер посетители музея И.А. Гончарова теперь могут встретиться с Е.В. Толстой, которая принесла писателю много радости и много боли.

Антонина Лобкарёва,

научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова